

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья

УДК 1(091)

EDN: PINGYF

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-12

РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО УЧЕНИЯ КЛАССИЧЕСКИХ ЕВРАЗИЙЦЕВ

Оксана Сергеевна Исаева

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

okcana_isaeva@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Обращение к религии и нравственным константам в управлении государственным образованием является одной из характерных тенденций развития современной России и имеет глубокие корни в русской философской мысли. Одним из течений, обосновавшим и проводящим в своей философии религиозно-нравственные принципы, является оформившееся в русском зарубежье в 1920-е гг. классическое евразийство. Представители этого философского направления проводили мысль о том, что религия и нравственность должны неизменно пронизывать все сферы человеческого общежития, выступая основой поведения каждой личности. Целью данного исследования является выделение религиозных и нравственных оснований евразийской философии и их конкретных проявлений в различных сферах социальной реальности. *Материалы и методы.* Достижение цели настоящего исследования предполагает изучение трудов участников классического евразийства, а также статей современных авторов, обратившихся к анализу их философского учения. В процессе работы использовались принципы целостности, системности и структурности. Методология данного исследования включает в себя метод исторической реконструкции, а также конкретно-исторический метод. *Результаты.* Проведен анализ метафизического учения о симфонической личности Л. П. Карсавина с позиции обоснования в нем религиозных и нравственных основ поведения человека в философии евразийцев. С позиции проведения заложенного в концепции Л. П. Карсавина принципа соборности рассмотрены учение Н. Н. Алексева о гарантийном идеократическом государстве, взгляды Н. С. Трубецкого на содержание идеи-правительницы, хозяйственно-экономическое учение П. Н. Савицкого. *Выводы.* Проводимые классическими евразийцами религиозные и нравственные начала в общественно-государственной жизни выступают в их учении основой единства России-Евразии, а в современном мире могут служить ориентирами для стабилизации системы ценностей в России и обеспечения духовного единства граждан.

Ключевые слова: классическое евразийство, неоевразийство, соборность, Россия-Евразия, месторазвитие, идея-правительница, Православное христианство, социальное служение

Для цитирования: Исаева О. С. Религиозно-нравственные основания социально-философского учения классических евразийцев // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 2. С. 122–131. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-12 EDN: PINGYF

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

RELIGIOUS AND MORAL FOUNDATIONS OF THE SOCIO-PHILOSOPHICAL TEACHING OF CLASSICAL EURASIANS

Oksana S. Isaeva

Penza State University, Penza, Russia

okcana_isaeva@mail.ru

Abstract. *Background.* The appeal to religion and moral constants in the management of public education is one of the characteristic trends in the development of modern Russia and has deep roots in Russian philosophical thought. One of the branches that established and implemented religious and moral principles in their philosophy is classical Eurasianism, which took shape in Russian philosophy abroad in the 1920s. Representatives of this philosophical branch held the idea that religion and morality should invariably permeate all spheres of human society, acting as the basis for the behaviour of each personality. The purpose of this article is to analyze the religious and moral foundations of Eurasian philosophy and their specific manifestations in various spheres of social reality. *Materials and methods.* Achieving the purpose of this study involves studying the works of participants in classical Eurasianism, as well as articles by modern authors who have turned to the analysis of the philosophical teachings of classical Eurasians. In the course of the work, the author used the principles of integrity, consistency and structure. The methodology of this research includes the method of historical reconstruction, the concrete historical method. *Results.* The article analyzes the metaphysical doctrine of L.P. Karsavin symphonic personality from the perspective of substantiating in it the religious and moral foundations of human behavior in the philosophy of Eurasians. From the position of carrying out the principle of conciliarity embedded in L.P. Karsavin's concept, N.N. Alekseev's doctrine of a guaranteed ideocratic state, N.S. Trubetskoy's views on the content of the idea of a ruler, and P.N. Savitsky's economic doctrine are considered. *Conclusions.* The author came to the conclusion that the religious and moral principles pursued by classical Eurasians in public and state life are the basis of the unity of Russia-Eurasia in their teaching. In the modern world, they can serve as guidelines for stabilizing the value system in Russia and ensuring the spiritual unity of citizens.

Keywords: classical Eurasianism, Neo-Eurasianism, sobornost, Russia-Eurasia, developmental place, ruling-idea, Orthodox Christianity, social service

For citation: Isaeva O.S. Religious and moral foundations of the socio-philosophical teaching of classical Eurasians. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(2):122–131. (In Russ.). doi:10.21685/2307-9525-2025-13-2-12

Классическое евразийство 1920–1930-х гг. впервые заявило о своем существовании изданием в 1921 г. в Софии сборника совместных работ талантливых молодых ученых: П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого, П. П. Сувчинского и Г. В. Флоровского. Но началом возникновения этого «идейного пореволюционного течения», философского направления, как подчеркивают многие современные исследователи, считается все же 1920 г., когда была опубликована книга кн. Н. С. Трубецкого «Европа и человечество» [1, с. 162; 2, с. 208]. За время существования классического евразийства в разное время к нему имели отношение и являлись его участниками такие мыслители, как Г. В. Вернадский, Н. Н. Алексеев, Л. П. Карсавин, В. Н. Ильин, В. П. Никитин, Д. П. Святополк-Мирский и многие другие. Вследствие того, что евразийство объединило мыслителей, имевших самые разные научные интересы, их

многогранное учение в целом представило собой своеобразный и оригинальный теоретический синтез наук, евразийское «россиеведение», единую «картину-систему», как писал П. Н. Савицкий [3, с. 57]. Синтетический образ России-Евразии, который сформировали классические евразийцы, включает в себя освещение всех сторон жизнедеятельности Российского государства [4]. Евразийскими мыслителями был создан социальный проект будущего общественно-государственного устройства России, в котором такие разные порой в своих воззрениях люди объединились в попытке обосновать уникальность, единство и целостность России как Российско-Евразийского мира, мира, особого во всех отношениях [5].

Затронутые евразийцами вопросы об организации российского общества и государства, о своеобразии России, ее судьбе и дальнейшем пути развития вызвали неподдельный интерес в начале XX столетия, но реакция на взгляды классических евразийцев была неоднозначной. О евразийстве спорили, воззрения его представителей критиковали или поддерживали. Нужно отметить, что мало кто оставался равнодушным к высказанным евразийскими мыслителями суждениям. Но и после того, как евразийское движение фактически прекратило свое существование, у евразийцев нашлись последователи. Уже во второй половине XX в. появляется учение Л. Н. Гумилева, названного «последним евразийцем» [6]. Далее возникают многочисленные неоевразийские концепции, подтверждающие, что внимание к евразийским идеям не иссякло [7–9]. Заложенные классическими евразийцами основания государственного и общественного устройства будут, по нашему мнению, находиться в центре внимания исследователей всякий раз, когда России вновь нужно будет утвердить и четко обозначить духовно-нравственные принципы жизни и поведения людей. В настоящей статье мы обратимся к рассмотрению религиозных и нравственных оснований в философии классического евразийства и их проявлений в социальном проекте евразийцев в качестве системообразующих и основополагающих элементов в различных сферах государственного общежития и жизнедеятельности каждого человека.

В учении классических евразийцев Россия – это Россия-Евразия, третий срединный материк, особенное месторазвитие. П. Н. Савицкий писал, что евразийцы дали «новое географическое и историческое понимание России и всего того мира, который они именуют российским или евразийским» [10, с. 76]. Один из участников классического евразийства Г. В. Вернадский определял месторазвитие человеческих обществ как «определенную географическую среду, которая налагает печать своих особенностей на человеческие общежития, развивающиеся в этой среде» [11, с. 10]. Он отмечал, что усилиями русского народа и была создана Евразия – новая цельная и единая в культурном и хозяйственном смысле страна света. Ход исторического развития русского народа, конечно, был во многом предопределен географическими особенностями Евразии, но по большей степени сам народ создал свое месторазвитие [11, с. 12]. Россия-Евразия, по мнению евразийцев, является особым миром, географическим и историческим. Это не просто совокупность Азии и Европы, но именно срединный материк, не Европа и не Азия, но Евразия, занимающая три низменности-равнины: Западно-Сибирскую, Беломорско-Кавказскую и Туркестанскую. Этот мир обладает своей собственной уникальной культурой – евразийской, представляющей собой синтез культуры русской и византийской, на которую также впоследствии напластовались элементы азиатско-азиатской и европейской культур, усилив и утвердив при этом «евразийское» качество русской культуры.

Евразийские мыслители всегда акцентировали внимание на том, что Российско-Евразийский мир является уникальным во всех отношениях, это мир не западный, своеобразный и отличный от стран Европы. Поэтому классические евразийцы восприняли революционные события февраля 1917 г. как долгожданное окончание периода европеизации в нашей стране. Но установившаяся в России коммунистическая власть также не была принята евразийцами и главным образом потому, что евразийство как система мировоззрения и жизни изначально «покоится на религиозной основе»¹. Православное христианство – вот тот

¹ Евразийство: декларация, формулировка, тезисы. Прага : Евразийцы, 1932. 29 с.

остов, на который должно опираться евразийское государство труда и общего дела. «Здоровое социальное общежитие может быть основано только на неразрывной связи человека с Богом, религией; безрелигиозное общежитие, безрелигиозная государственность должны быть отвергнуты... Евразийцы – православные люди. И Православная Церковь есть тот светильник, который им светит», – утверждает П. Н. Савицкий [10, с. 87, 90]. Наряду с религией евразийские мыслители огромное внимание уделяют нравственному компоненту как основе человеческих взаимоотношений. Религиозно-нравственное начало выступает в философии классических евразийцев основанием их метафизики и созданного ими социального проекта.

Метафизическое обоснование философия евразийцев получила благодаря стараниям Л. П. Карсавина, присоединившегося к евразийскому течению в 1925 г. Его учение о симфонической личности явилось недостающим звеном в цепи философских рассуждений евразийских мыслителей и стало фундаментом для их социального проекта. Определяя личность, евразийские мыслители противопоставляют это понятие, как живое и органическое единство, понятию замкнутого в себе социального атома. Они трактуют личность как всеединство, внутри которого не может существовать механических и причинных взаимосвязей, как «единство множества (ее состояний, проявлений и т.д.), что ее единство и множество отдельно друг от друга и вне друг друга не существуют. ...Личность – единство множества и множество единства» [12, с. 21]. Классические евразийцы включают в понятие «личность» не только отдельных индивидов, но и различные социальные группы, например, сословия, классы, народы, субъекты культуры, все человечество в целом, называя их соборными или симфоническими (т.е. хоровыми, согласованными) личностями. Согласно евразийским мыслителям, симфонические личности включают в себя в отличие от индивидуальной не множество личностных состояний, стремлений, а множество конкретных индивидуальных личностей (для различных социальных групп, народов) либо множество самих симфонических личностей (для симфонических личностей высшего порядка – человечества, различных народов). Симфонические (соборные) личности вовсе не являются тем пространством, в котором индивидуальные личности существуют, как рыбы в водоеме, но представляют собой самих этих личностей в их единстве. Таким образом, соборная личность по отношению к индивидуальной всегда стоит иерархически выше; среди соборных личностей есть личности разной степени. Но вместе с этим все они являются равноценными, высшая не стесняет свободы низших, никак не ограничивает их, поскольку она есть «не что-то отдельное, вне их сущее, но – само их единство и все они в каждой из них» [13, с. 420]. Л. П. Карсавин указывает, что высшей, совершенной по отношению ко всем другим личностям выступает соборная личность Церкви.

Конкретизируя понятие «соборность» в философии классических евразийцев, отметим, что оно, по их мнению, является одним из самых существенных понятий православия. Соборный означает «"единый по всему и во всем", единый в целом и во всех частях»¹. Именно такое единство представляет собой соборная Церковь как высшая личность в иерархии личностей, как истинное всеединство, к становлению таким соборным единством и стремится мир и каждая личность в нем.

Л. П. Карсавин утверждает, что единственной религией личности может быть только Христианство. Именно в Христовом учении, по его мнению, находит свое проявление религиозно-нравственный закон или идеал, «который написан в сердце каждого» и выражает понимание Церкви как всеединой личности [12, с. 420]. Этот закон заключается в преодолении собственных эгоистических начал каждой личности посредством осознания своего долга, проникновения смирением ради высшего и целого – личности Бога. Любая личность должна осмыслить себя как свободное осуществление высшей личности, которое одновременно с этим совпадает со свободным самоосуществлением последней. Личность должна понять, что она лишена всего «своего» – все, что есть у нее, все ее качества даны ей Богом, это творческая мысль Бога о ней. Любое признание чего-то своей собственностью равнозначно, утвер-

¹ Евразийство: декларация, формулировка, тезисы. Прага : Евразийцы, 1932. 29 с.

ждает Л. П. Карсавин, отъединению от Бога, от целого, а значит, гордыне и в конечном счете самоубийству. Личность должна отказаться от эгоистического саморазвития и постичь, что настоящей задачей ее жизни является «саморазвитие в раскрытии высшего и ради раскрытия высшего», выше стоящей в иерархии соборной личности и личности Бога в конечном итоге [13, с. 421]. Но в подобном саморазвитии, согласно Л. П. Карсавину, заключается уже не просто преодоление гордыни, а жертва, жертва своим греховным я, своими самоуединением и самососредоточением. Только путем самопожертвования личность может утвердить истинную мысль Бога о ней и истинную себя. Церковь же выступает здесь в качестве поводыря, который способствует свободному раскрытию данного человеку Богом таланта и посредством силы Христовой Любви делает личность членом соборного единства. Таким образом, согласно Л. П. Карсавину, именно любовь, жертвенная любовь к Богу и людям, является условием единства личности с Богом, с Церковью. Осуществление высшего соборного целого является смыслом всей жизни личности. В обществе каждый конкретный человек может стать личностью, только преодолевая себя, свое «эгоистически-личное бытие», теряя свою душу и отдавая ее другим. «Только через общение с другими людьми, т.е. чрез самоотдачу, без которой такое общение невозможно, достигается личное многообразие и личное единство индивидуума» [14, с. 182]. Иными словами, идея соборности, органического соборного единства должна, согласно евразийцам, проявляться в обществе и государстве, в действительной жизни каждого конкретного человека через осуществление религиозно-нравственного принципа, когда каждая личность в идеале должна стремиться развивать себя, при этом жертвуя собой, отдавая себя всю ради раскрытия высшей симфонической личности, ради блага государственного соборного целого. Обоснование идей жертвенности, служения, самоотдачи в религиозном контексте обнаруживается в текстах многих классических евразийцев, в их социальном проекте они выступают основой во взаимоотношениях людей и государства.

Н. Н. Алексеев, ведущий правовед евразийского течения, закладывает идею социального всеобщего служения в основу проектируемого евразийцами государственного строя. Мыслитель полагает, что государство должно быть «гарантийным», т.е. обеспечивающим осуществление определенных постоянных положительных целей, социальных принципов. Гарантийное государство является, согласно Н. Н. Алексееву, государством, которое построено на «внешней правде», в его основе находятся не «исповедание», а «общественное признание». Это правовое государство, где права «гарантированы обязанностями государственного целого» [15, с. 374]. Обязанность в гарантийном государстве превращается в право-обязанность, когда правительство («ведущий слой» или «ведущий отбор» в евразийской философии) не является односторонне управомоченным, а подчиненные – односторонне обязанными, в таком государстве «правообязаны все – и властвующие и подчиненные» [15, с. 167–168]. Философ указывает, что право является такой областью духовно-нравственной жизни, где каждый человек именно «свободно может» и не принужден к чему-то насильственно. И когда свободная возможность поступить определенным способом внутренне соединяется с чувством долга, право и превращается в право-обязанность. Не существует, по Н. Н. Алексееву, всеобщего «права на управление», но есть всеобщая обязанность каждого человека принимать участие в государственных делах – это обязанность социального служения. Н. Н. Алексеев, таким образом, приходит к выводу, что в конечном итоге проблема социальных гарантий в государстве преимущественно является нравственным вопросом. В особенности это касается деятельности верховных органов власти, которых никто не может принудить к определенным действиям, а заставить самих себя возможно, подчеркивает мыслитель, только нравственно и духовно, что и составляет сущность последних гарантий государства как властного и принудительного объединения [15, с. 605].

«Ведущий слой» в гарантийном государстве всегда должен идти по линии общественного служения, которое является основной его миссией. Н. Н. Алексеев отмечает, что понятие служения не связано на самом деле со служением общей пользе, но оно исходит из того, что государство служит высшим ценностям и идеалам, высоким нравственным целям. Служить

же должно и можно лишь только исходя их глубоких духовных эмоций, из чувства долга, из любви. Само государство является, согласно Н. Н. Алексею, более нравственным явлением, чем правовым. И ведущий слой должен править, основываясь на морали, а не на насилии. Ведущий слой, являясь частью государства как культурного целого, должен находиться вне аппарата государственного принуждения, быть выше него, поскольку государственное служение не должно превращаться в род заработка. Ведущий слой должен быть чем-то вроде духовного ордена, в сознании которого сосредоточен народный дух. Его единство должно быть обусловлено единством духовной жизни, единством духовных устремлений и убеждений. Он должен представлять собой «идеократический отбор», обладать единым мирозерцанием. Но в совершенном государстве, подчеркивает Н. Н. Алексеев, следует говорить даже не об идеократическом, но об эйдократическом отборе, понимая под эйдосом не идею, но «необходимый, цельный, созерцательно и умственно осязаемый смысловой лик мира» [15, с. 592]. Мысль Н. Н. Алексея заключается в том, что ведущий отбор должен не просто владеть знанием высшего «эйдоса», но быть буквально одержимым им. Ему необходимо постичь высшую религиозно-философскую истину, которой он должен служить. Таким образом, основами гарантийного идеократического государства, по Н. Н. Алексею, выступают морально-нравственная константа, а религиозный компонент сосредоточен в «эйдосе», задающем вектор развития всего общественного и государственного целого. В таком государстве все старания граждан в конечном итоге должны быть направлены на осуществление «общего дела», где люди, обладая правообязанностями, готовы всегда следовать своему чувству долга, помня о благе целого. Взаимоотношения между личностями, а также между гражданами и властью строятся исходя из морально-нравственных ориентиров.

Н. С. Трубецкой также обосновывает идеалы совершенного государства с позиции нравственности. Мыслитель утверждает, что главными для характеристики государственного образования являются именно типы отбора правящего слоя, а вовсе не типы формы правления. Также как и Н. Н. Алексеев, Н. С. Трубецкой полагает, что правящий слой должен быть прежде всего объединен общим мирозерцанием, которое в евразийской идеократии выступает основным, первичным признаком отбора правящего слоя [16, с. 487]. Эту мысль философ проводит в своей работе 1927 г. «О государственном строе и форме правления». Позже, в 1935 г., в статье «Об идее-правительнице евразийского государства» Н. С. Трубецкой отмечает, что ведущий слой должен формироваться исходя из признака преданности одной идее – единой идее-правительнице. Он ставит вопрос о том, каким же должно быть содержание данной идеи. По мнению философа, идея-правительница должна быть такой, чтобы правящий слой, который должен обладать моральным престижем в глазах своих сограждан, был готов всегда ради нее пожертвовать собой, и эта жертва была бы расценена другими «как морально ценный поступок» [17, с. 439]. Идея-правительница не должна быть эгоистичной или своекорыстной. Человек может определять жертву как морально ценную только в том случае, если это жертва ради общего дела, ради блага целого, но не его отдельной части. Жертва даже ради своей семьи, друзей или другой биологической или социальной группы, считает мыслитель, бессмысленна либо «животно низменна». Ни класс, ни народ, ни все человечество, таким образом, не могут выступать в качестве такого целого. Н. С. Трубецкой приходит к выводу, что им может быть лишь «особый мир», автаркическое, хозяйственно самодовлеющее месторазвитие, которое населяет совокупность народов, связанных «общностью исторической судьбы», созданием государства или своей уникальной культуры [17, с. 441].

В социально-экономической сфере П. Н. Савицкий проводит обоснование евразийской философии хозяйства, также опираясь на религиозно-нравственную константу. Мыслитель полагает, что в отношении к хозяйству всегда должно превалировать начало «идеологически-нравственно-религиозное» над началом экономическим [10, с. 85]. Это означает, что подход ко всем экономическим вопросам должен быть проникнут религией и нравственностью. Озвученные положения составляют основу философии «подчиненной экономики», которая, как отмечает П. Н. Савицкий, характеризует позицию древних законодателей и в течение многих веков определяла их экономические отношения. Такой подход мыслитель противоп-

ставляет «воинствующему экономизму», выдвинувшемуся на первый план в западноевропейских странах под влиянием идей Нового времени в результате произошедшего там огромного экономического подъема. Европа, согласно П. Н. Савицкому, отринула древнюю мудрость нравственного завета, заплатив за свои успехи в научной и технической среде «религиозным оскудением» [7, с. 85].

В созданной П. Н. Савицким системе «хозяйнодержавия» противопоставляется евразийская трактовка понятия «хозяин» разработанному старой школой европейской политической экономии определению «экономический человек». «Человек экономический», в роли которого выступает, как правило, предприниматель, в своих действиях всегда руководствуется «экономическим принципом», обращенным лишь к эгоистическим потребностям человека. «Экономический эгоизм», понимаемый как постоянное стремление к получению наибольшей прибыли, – вот тот принцип, который характеризует систему понятий, куда помещены «экономический человек» и «экономический принцип» [12, с. 263]. Хозяйственно-экономическую сферу должны, по мнению евразийских мыслителей, наполнять не только проявления экономического эгоизма, но и другие мотивы. Настоящий хозяин – это «добрый хозяин», обладающий «хозяйской волей» и «хозяйским глазом». Он должен быть тем, в ком сосредоточены не только и не столько экономические побуждения получения наибольшего дохода, сколько стремление к благополучию, сохранению, укреплению и расширению своего хозяйства, которое он воспринимает как «живое и осязаемое целое», как «одухотворенную систему людей и вещей» [12, с. 219]. «Добрый хозяин» увеличивает крепость своего хозяйства, проявляя свое «хозяйское отношение» к людям, принадлежащим к нему. Он стремится обеспечить их материальное благополучие, несмотря ни на что, зачастую жертвуя ради этого своими собственными средствами. «Добрый хозяин» всегда готов отдать свое, чтобы сохранить понастоящему преданных его хозяйству людей, поскольку и наивысший доход, как отмечает П. Н. Савицкий, напрямую зависит от наличия таких людских кадров. Но «добрый хозяин» не ограничивается только рациональной стороной организации хозяйства и материальным обеспечением людей. Его волнует и нематериальная сторона. Он выстраивает свои взаимоотношения с людьми, работающими в его хозяйстве прежде всего исходя из иррациональных установок, на основе взаимопонимания, заботы и помощи. В рамках этих отношений работник рассматривается не как бездушный механизм, приносящий деньги, а в качестве равноценной личности, имеющей свои собственные чувства, потребности и желания. «Добрый хозяин» не только рассматривает своего работника и его труд как относительную ценность, но и возводит их в ранг абсолютных ценностей, поскольку, с одной стороны, труд рабочего оплачивается и имеет цену, а с другой – каждый работник является личностью, т.е. должен быть ценен с позиции абсолютных ценностей. Таким образом, П. Н. Савицкий полагает, что отношения между истинным хозяином и его служащими должны быть построены на любви, человеколюбии, взаимоуважении, чувстве долга хозяина перед своими работниками и ответственности за них [12, с. 221]. П. Н. Савицкий вводит в свою философию хозяйства понятие «хозяйское ценение труда» как основополагающий принцип, подразумевая, что именно посредством него в сферу экономики как область чистых относительных ценностей проникают ценности абсолютные. По его мнению, «по-хозяйски» можно и нужно относиться не только к людям, но и к различным вещам либо к животным, составляющим духовное единство хозяйства. Получается, что через принцип «хозяйского ценения хозяйства» в хозяйственно-экономической сфере проявляется принцип соборности: через служение хозяином своему хозяйству, через жертвование им своими собственными ресурсами ради блага и поддержания всего хозяйственного целого.

Нужно также отметить, что «хозяйское ценение хозяйства» имеет, согласно П. Н. Савицкому, религиозные корни и религиозно-нравственное обоснование. «Добрый хозяин», как считает мыслитель, выступает неким проводником между хозяйственной и религиозной сферами. Он олицетворяет собой личностное начало и таким образом обеспечивает проведение религиозно-нравственных принципов в сферу хозяйствования. Одновременно с этим религиозные

и религиозно-нравственные принципы наполняют саму личность хозяина, делая его «добрым хозяином» и поддерживая тем самым его «хозяйственно-экономический успех» [12, с. 232].

Система «хозяинодержавия», как полагали евразийские мыслители, должна не только проводить в жизнь личностное начало в лице «доброго хозяина», но и учитывать, что в определенных областях, где необходимо «охранение» и не нужно развитие, будет полезнее отдать приоритет «хозяину-обществу». Классические евразийцы полагают, что ни социализм, где отрицается хозяйствующая личность, обладающая «хозяйским ценением», ни капитализм, утверждающий эгоистический экономический принцип в деятельности предпринимателя и также отрицающий «хозяйское ценение хозяйства», не соответствуют в полной мере их представлениям о сфере хозяйствования, поскольку они не утверждают живую, конкретную личность в хозяйстве [12, с. 242]. П. Н. Савицкий акцентирует внимание на том, что принципам капиталистическим и социалистическим следует противопоставить хозяйные принципы. Ни капиталистический, ни социалистический строй не определяют связь хозяйствующей личности с Богом, в них она всегда выступает как личность безбожная, как атомистическое начало. Хозяинодержавие же представляет собой систему, где утверждается личность «богоисповедная», а значит связанная с Богом, соборная личность. Вся система хозяинодержавия есть проявление религиозного принципа соборности: в ней утверждается хозяйствующая личность, которая раскрывает общественное начало. Над личностью «доброго хозяина» стоит «хозяин-общество», но его влияние не ограничивает действий хозяина-личности; наоборот, и хозяин-личность, и хозяин-общество, обладая каждый в своей мере «хозяйским ценением», вместе стремятся к осуществлению общего соборного дела.

Таким образом, и в евразийской философии хозяйства, и в философии права можно проследить подчинение и хозяйства, и права нравственности и религии. Согласно евразийским мыслителям, мир экономических и политических действий и мир религиозно-философских ценностей должны находиться в некотором установленном равновесии, но всегда в сферах права и экономики должны главенствовать религиозно-нравственные принципы.

Подводя итоги, нужно отметить, что классическое евразийство стало одним из философских течений, чьи участники обосновали в своих учениях мысль о том, что Россия всегда была и должна оставаться сильным и единым государственным образованием, что предопределено географическими и историческими ее особенностями. Основу же существования России как единого целостного образования должны составлять религиозно-нравственные принципы. Заложенный в метафизическом учении Л. П. Карсавина о симфонической личности принцип соборности является в философии классических евразийцев обоснованием религиозных и нравственных начал в поведении индивидуальной личности. Идеи служения, жертвенности, подавления собственного эгоизма во благо государства как соборного целого, как особой симфонической личности являются неотъемлемыми константами поведения каждого конкретного человека как органической части этого целого. Конечно, в своем первоначальном виде эти взгляды утопичны. В особенности мысль о том, что под эгидой православия должны, по мнению евразийцев, объединиться и все нерусские народы. Но все же в концепции классических евразийцев есть определенное «жизненное ядро», которое, на наш взгляд, позволит оставаться их учению актуальным и в дальнейшем. Обращение к нравственности, чувству долга, чести и совести каждой конкретной личности, наложение на властные органы обязанности служить своему государству и народу, проведение в сфере экономики принципа «хозяйского ценения», попытка евразийцев показать, что порой благо общественного и государственного целого, бескорыстная забота не о себе, а о других людях – принципы, которые обосновывали в своей философии евразийские мыслители, и те постулаты, на которые должно опираться истинно великое и процветающее государство в современном мире. Именно такие установки должны лежать в основе духовно-нравственного единства российских граждан.

Список литературы

1. Маслин М. А. У истока евразийства. К 100-летию опубликования книги князя Николая Трубецкого «Европа и человечество» // Философский журнал. 2019. Т. 12, № 4. С. 161–178. doi: [10.21146/2072-0726-2019-12-4-161-178](https://doi.org/10.21146/2072-0726-2019-12-4-161-178) EDN: UKSVAV
2. Вахитов Р. Р. Два чуда при рождении мифа евразийства // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 206–215. doi: [10.47132/1814-5574_2021_2_206](https://doi.org/10.47132/1814-5574_2021_2_206) EDN: AXGOMC
3. Логовиков П. В. Научные задачи евразийства // Утверждение евразийцев. Кн. 7: Тридцатые годы : сб. ст. Париж : Изд-во евразийцев, 1931. С. 53–64.
4. Вахитов Р. Р. Синтетический образ России-Евразии // Мир России. 2019. Т. 28, № 4. С. 193–200. doi: [10.17323/1811-038X-2019-28-4-193-200](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-4-193-200) EDN: HUYBCR
5. Исаева О. С. Обоснование целостности и единства Российско-Евразийского мира в социальном проекте классического евразийства // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (29). С. 109–20. EDN: SIRQPP
6. Гумилев Л. Н. Заметки последнего евразийца // Наше наследие. 1991. № 3. С. 19–26
7. Isaeva O. S. Classical Eurasianism Variations During the Second Half of the 20th and Early-21st Centuries // Utopia y Praxis Latinoamericana. 2020. Vol. 25, n° Extra 10. P. 354–367. doi: [10.5281/zenodo.4155672](https://doi.org/10.5281/zenodo.4155672) EDN: HZDDZS
8. Исаева О. С. Роль православия в судьбе России в философии классических евразийцев и неоевразийца А. С. Панарина // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12, № 4 (48). С. 118–127. doi: [10.21685/2307-9525-2024-12-4-11](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2024-12-4-11) EDN: PXTZMX
9. Исаева О. С. Образ России в философии классических евразийцев и неоевразийском учении А. Г. Дугина // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11, № 4 (44). С. 99–109. doi: [10.21685/2307-9525-2023-11-4-10](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2023-11-4-10) EDN: NXBGJT
10. Савицкий П. Н. Евразийство // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли : сб. тр. евразийцев. М. : Беловодье, 1997. С. 76–94.
11. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М. : Алгоритм, 2008. 331 с.
12. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М. : Аграф, 1997. 461 с.
13. Карсавин Л. П. Малые сочинения. СПб. : Алетейя, 1994. 532 с. EDN: TJMLXP
14. Карсавин Л. П. Основы политики // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология : сб. ст. / ред.-сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М. : Наука, 1993. С. 174–217.
15. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М. : Аграф, 1998. 635 с.
16. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М. : Эксмо, 2007. 554 с. EDN: QPFIMN
17. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык / сост. В. М. Живов ; вступ. ст. Н. И. Толстого, Л. Н. Гумилева. М. : Прогресс, 1995. 797с. EDN: TATCVD

References

1. Maslin M.A. At the origin of Eurasianism. To the 100th anniversary of the publication of Prince Nikolai Trubetskoy's book "Europe and Humanity". *Filosofskiy zhurnal = Philosophical journal*. 2019;12(4): 161–178. (In Russ.). doi: [10.21146/2072-0726-2019-12-4-161-178](https://doi.org/10.21146/2072-0726-2019-12-4-161-178)
2. Vakhitov R.R. Two miracles at the birth of the myth of Eurasianism. *Khristianskoe chtenie = Christian reading*. 2021;(2):206–215. (In Russ.). doi: [10.47132/1814-5574_2021_2_206](https://doi.org/10.47132/1814-5574_2021_2_206)
3. Logovikov P.V. Scientific tasks of Eurasianism. *Utverzhdenie evraziytsev. Kn. 7.: Tridsatye gody: sb. st. = The assertion of the Eurasians. Book 7: The Thirties: a collection of articles*. Parizh: Izd-vo evraziytsev, 1931:53–64. (In Russ.)
4. Vakhitov R.R. Synthetic image of Russia-Eurasia. *Mir Rossii = The world of Russia*. 2019;28(4): 193–200. (In Russ.). doi: [10.17323/1811-038X-2019-28-4-193-200](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-4-193-200)
5. Isaeva O.S. Justification of the integrity and unity of the Russian-Eurasian world in the social project of classical Eurasianism. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2014;(1):109–20. (In Russ.)
6. Gumilev L.N. Notes of the Last Eurasian. *Nashe nasledie = Our heritage*. 1991;(3):19–26. (In Russ.)
7. Isaeva O.S. Classical Eurasianism Variations During the Second Half of the 20th and Early-21st Centuries. *Utopia y Praxis Latinoamericana*. 2020;25(Extra10):354–367. doi: [10.5281/zenodo.4155672](https://doi.org/10.5281/zenodo.4155672)
8. Isaeva O.S. The Role of Orthodoxy in the fate of Russia in the philosophy of classical Eurasianists and neo-Eurasianist A.S. Panarin. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*. 2024;12(4): 118–127. (In Russ.). doi: [10.21685/2307-9525-2024-12-4-11](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2024-12-4-11)

9. Isaeva O.S. The image of Russia in the philosophy of classical Eurasianists and the neo-Eurasian teaching of A.G. Dugin. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo* = *Science. Society. State*. 2023;11(4):99–109. (In Russ.). doi: [10.21685/2307-9525-2023-11-4-10](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2023-11-4-10)
10. Savitskiy P.N. Eurasianism. *Russkiy uzel evraziystva. Vostok v russkoy mysli: sb. tr. Evraziytsev* = *Russian knot of Eurasianism. The east in Russian thought: collected works of Eurasians*. Moscow: Belovod'e, 1997:76–94. (In Russ.)
11. Vernadskiy G.V. *Nachertanie russkoy istorii* = *Outline of Russian history*. Moscow: Algoritm, 2008:331. (In Russ.)
12. Savitskiy P.N. *Kontinent Evraziya* = *Continent of Eurasia*. Moscow: Agraf, 1997:461. (In Russ.)
13. Karsavin L.P. *Malye sochineniya* = *Short essays*. Saint Petersburg: Aletyya, 1994:532. (In Russ.)
14. Karsavin L.P. Fundamentals of politics. *Rossiya mezhdue Evropoy i Aziey: Evraziyskiy soblazn: Antologiya: sb. st.* = *Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation: Anthology: collection of articles*. Moscow: Nauka, 1993:174–217. (In Russ.)
15. Alekseev N.N. *Russkiy narod i gosudarstvo* = *Russian people and state*. Moscow: Agraf, 1998:635. (In Russ.)
16. Trubetskoy N.S. *Nasledie Chingiskhana* = *The Legacy of Genghis Khan*. Moscow: Eksmo, 2007:554. (In Russ.)
17. Trubetskoy N.S. *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* = *History. Culture. Language*. Moscow: Progress, 1995:797. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

О. С. Исаева – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2771-3049>

O.S. Isaeva – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Communications, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2771-3049>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 11.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 07.05.2025

Принята к публикации / Accepted 30.05.2025